

Геннадий Авласенко

Обезьянка — дочь Небесного Дракона

Необходимое вступление

В одном сказочном лесу жили-были зайчата. Не один, не два, а целых три! И звали их: Ушастик, Толстяк и Карапуз.

Почему именно так, а не иначе?

У зайчонка Ушастика были очень уж выдающиеся ушки. В том смысле, что они всегда его предательски выдавали, как только Ушастик с друзьями в прятки играть начинал. А вот у Толстяка ушки были самые обыкновенные, зато животик основательно вперёд выдавался. И как Ушастик не любил в прятки играть, так Толстяку не особо нравились разные подвижные игры, догонялки, к примеру...

А зайчонок Карапуз и прятки любил, и догонялки. Маленький, юркий, он так, бывало, спрячется, что приятели с ног сбивались, пока его находили. А иногда и не находили вовсе, самому приходилось вылезать из очередного укрытия, ежели друзьям уже надоедало искать, а самому Карапузу — прятаться...

Ну, а теперь, разобравшись с именами зайчат,

начнём и нашу сказочную историю. Тем более, что она и сама, без нас, уже начинаться изволит...

Глава первая, в которой зайчата знакомятся с Обезьянкой, а также узнают некоторые удивительные подробности из её былой жизни

Была у наших друзей-зайчат в лесу любимая полянка, на которой они каждое утро встречались, чтобы потом до самого вечера друг с другом не расставаться. Вот и в день, когда началась наша сказочная история, зайчата тоже на любимой своей полянке встретились. Точнее, встретились на ней Ушастик с Толстяком, а зайчонок Карпуз почему-то запаздывал.

Такое иногда случалось и раньше, и приятели принялись терпеливо ожидать Карпуза, ибо играть вдвоём всё же не так интересно и занимательно, нежели втроём. Ждали они его, ждали... и всё никак дождаться не могли.

— Ну, и где эта малявка пропадает?! — не выдержал, наконец, Ушастик. — Вот вечно он так, знает, что ждём, а сам...

— Да вон же он! — радостно воскликнул Толстяк, указывая лапкой куда-то вдаль. — Вон

там, за кустарником!

— За каким таким кустарником? — завертел головой Ушастик.

Сам он, как не старался, так ничего и не смог разглядеть. Возможно потому, что смотрел совершенно в обратную сторону.

-. Вон же он идёт! — проговорил Толстяк, потом вдруг помолчал немного и добавил растерянно: — Точнее, идут...

— Идут? — не понял Ушастик. — Что значит, идут?

— Ну, Карапуз наш идёт... — добавил Толстяк не совсем уверенно. — Точно, Карапуз, а с ним ещё кто-то...

Ушастик привстал на цыпочки и наконец-таки тоже смог рассмотреть мелькавшего среди деревьев приятеля. А ещё разглядел, что приятель этот шёл сюда не один. С ним был ещё кто-то, но разглядеть более внимательно этого «кого-то» Ушастик так и не смог: мешали кусты и стволы деревьев.

— Кто это с ним? — удивлённо проговорил он, поворачиваясь к Толстяку.

Но Толстяк лишь недоуменно пожал плечами.

— Главное: что не Волк и не Лиса! — сказал он, немного помолчав. — Вот это главное, а остальное неважно...

— Это тебе неважно! — недовольно буркнул Ушастик. — А вот мне лично — очень даже важно!

— А мне важно, что это не Волк! — махнул лапкой Толстяк. — И не Лиса!

Пока они так переговаривались, из густого кустарника, окружавшего полянку, наконец-таки выбрался Карапуз, а за ним следом...

Это был какой-то совершенно непонятный зверушка, решительно не походивший ни на одного лесного жителя... а уж наши зайчата со всеми ими были очень хорошо знакомы.

— Всем привет! — весело воскликнул Карапуз. — Смотрите, кого я к вам привёл!

— Ну, и кого ты к нам привёл? — всё так же недовольно отозвался Ушастик. — Кто это такой?

— Вообще-то, я и сам не знаю... — виновато проговорил Карапуз.

— А мы сейчас у него самого спросим! — внёс предложение Ушастик и тотчас же обратился к незнакомцу: — Эй, ты кто такой?

Незнакомая зверушка как-то особенно свысока взглянула на Ушастика, но так ничего ему и не ответила.

— Смотрите-ка, и разговаривать не желает! — возмутился Ушастик.

— А может он просто по-нашему не понимает? — высказал предположение Карапуз.

— Стойте! — воскликнул обрадовано Толстяк. — Я, кажется, знаю, кто это. Это — обезьянка!

— Что? — недоверчиво переспросил Ушастик. — Кто?

— Обезьянка какая-то... — добавил Карапуз ещё более недоверчиво.

— Не какая-то, а самая обыкновенная! — пояснил Толстяк. — Я такую в книжке видел. Ну, когда у юннатов в школе обитал!

Зайчонок Толстяк и в самом деле несколько месяцев прожил в школьном «живом уголке», а потому среди друзей-зайчат слыл самым умным и образованным.

Впрочем, образованность образованностью, но к этому последнему сообщению Толстяка Ушастик и Карапуз отнеслись крайне недоверчиво. Особенно Ушастик.

— Какая же она обыкновенная, — проговорил он насмешливо, — ежели я, к примеру, первый раз в жизни её вижу?!

— И я! — добавил Карапуз.

— Это потому, что обезьянки в наших краях не живут! — сказал Толстяк. — А живут они... живут они... Короче, где-то в других местах они живут, а где именно — этого я точно не помню. Точнее, не знаю...

— Понятно! — сказал Карапуз. — Так бы сразу и говорил!

Карапуз очень уважал Толстяка за образованность. А вот Ушастик — не очень.

— Как же тогда она в нашем лесу очутилась? — всё так же недоверчиво поинтересовался он у Толстяка.

— Вопрос не ко мне, — пожал плечами Толстяк и внимательно посмотрел на Карапуза.

И Ушастик тоже посмотрел на Карапуза.

— Ну... я тоже не знаю, — развёл лапками Карапуз. — Она просто... просто, это... сверху соскочила. Как раз передо мной. Я даже испугался немножечко. Иду, себе, иду... и тут вдруг она прыг с дерева!

— И не «прыг»! — закричала вдруг доселе молчавшая Обезьянка. — И совсем даже не «прыг»! Я просто упала!

— С дерева упала? — догадался Толстяк. — Ушиблась наверное, бедняжка!

— Вот ещё! — насмешливо фыркнула Обезьянка. — Сказал тоже: с дерева! И не с дерева вовсе! Я, это... с неба упала, вот!

Выпалив всё это единым духом, Обезьянка замолчала, словно ожидая возражений, но зайчата тоже молчали, во все глаза разглядывая новую свою знакомую.

— Ну, что молчите? — с каким-то даже вызовом обратилась Обезьянка к зайчатам. — Повторяю: я к вам с неба попала!

— С неба? — недоверчиво переспросил Ушастик. — Вот так просто — с неба?

— Именно! — сказала Обезьянка и, пожав плечами, добавила: — А что тут удивительного, не понимаю?

Ушастик посмотрел на небо, потом на Обезьянку, вновь перевёл взгляд вверх, туда, где по голубому небосводу медленно проплывали редкие белые облака.

— Ничего не понимаю! — проговорил он всё с тем же недоверием в голосе. — Ведь для того, чтобы упасть с неба, нужно в этом самом небе очутиться! Вот как ты там, в небе, очутиться смогла?

— Как смогла?

Обезьянка задумалась, но только на одно короткое мгновение.

— Вот так и смогла! — заносчиво проговорила она.

— Я понял! — воскликнул Толстяк. — Ты, верно, с самолёта свалилась? Летела, себе, в самолёте, а потом — бац! И вниз кубарем...

Как видите, зайчонок Толстяк был настолько образованным, что даже о самолётах кое-что знал.

Но Обезьянке самолётная версия не особенно понравилась. Вернее, она её совсем даже не понравилась, потому как Обезьянка тотчас же скорчила презрительную гримасу и взглянула на Толстяка не просто обиженно, но даже, можно сказать, с возмущением.

— Да я проста жила там! — воскликнула она капризно. — Я там жила, на небе, а не летела в этом твоём само... самокате!

— Самолёте, — поправил её Толстяк.

— Ты жила на небе?! — в один голос воскликнули Ушастик и Карапуз.

— Не может такого быть! — чуть запоздало воскликнул Толстяк.

— А вот и может! — сварливо и даже заносчиво отозвалась Обезьянка. — Что тут такого странного, не понимаю!

— А я вот не понимаю, за что ты там держалась? — задумчиво произнёс Толстяк. — Или, может, ты это... летать умеешь? Как птица!

И он для наглядности энергично помахал лапками.

— Ты умеешь летать?

— Да что вы ко мне прицепились со своими птицами да самокатами?! — воскликнула обиженно Обезьянка и даже ногой от досады притопнула. — Да я... я... да вы хоть знаете, с кем дело имеете?! — закричала она сердито, вторично притопнув ногой. — Я — дочь великого и могучего Дракона, властелина всего неба!

Замолчав, Обезьянка таким властным жестом указала на небо, что зайчата тоже невольно туда взглянули.

Впрочем, ничего особенного на небе они так и

не увидели. Небо как небо, синее, с редкими плывущими облаками...

— И всей земли, между прочим, тоже! — добавила Обезьянка уже не так громко, но очень внушительно. — Поняли теперь, с кем дело имеете?!

Зайчата переглянулись.

— Всей земли? — переспросил Карапуз. — Значит, и нашего леса тоже?

— Ну, разумеется! — важно проговорила Обезьянка. Потом помолчала немножко и добавила с каким-то даже презрением: — А чем ваш лес лучше остальных?

Зайчата переглянулись вторично.

— Вы, я вижу, не особенно мне верите?! — забеспокоилась Обезьянка. — Думаете, я всё это придумала, так? А я не придумала, не придумала, не придумала!

И Обезьянка вновь принялась топтать ногами.

Она топала долго, топала и кричала, кричала и топала. Наконец, замолчав, вновь посмотрела на зайчат.

— Ну что, теперь вы мне поверили? Отвечайте: поверили или нет?!

— А разве на небе есть какой-то там Дракон? — вместо ответа поинтересовался Толстяк. — Ни разу его там не видел...

— Ах, не видел?! — обиженно воскликнула

Обезьянка. — А молнию ты видел?

— Молнию видел, — вынужден был признать Толстяк.

— Так вот — это мой папочка Дракон глазами моргает!

— Ничего себе глазки! — прошептал Толстяк испуганно и замолчал. И остальные зайчата тоже лишь молча смотрели на Обезьянку.

— А гром? — несмело поинтересовался у Обезьянки Карапуз. — Гром — это что?

— Гром?

Обезьянка задумалась на мгновение, почесала затылок.

— А гром, это... — начала она, — это, когда мой дорогой папочка зевать начинает!

— Ничего себе ротик! — ещё более испуганно прошептал Толстяк. — А дождь — это, наверное, когда он плачет?

— Вот именно! — подхватила Обезьянка. Подхватила и тут же спохватилась. — Да ты что такое несёшь! Мой папочка Дракон никогда не плачет!. А дождь — это... это... Да это наши небесные секреты, и почему это я должна раскрывать их всяким разным?!

— А почему это мы всякие разные?! — даже обиделся Толстяк. — Да мы, если хочешь знать...

— Да не хочу я про вас ничего знать! — презрительно фыркнула Обезьянка. — Вот ещё...

было бы о ком...

Она замолчала, и зайчата тоже молчали, даже не зная, что и ответить на такое. Наконец, Толстяк нарушил всеобщее это молчание.

— Ну а в нашем лесу ты как очутилась? — несмело поинтересовался он.

Обезьянка ответила не сразу. Сначала она вздохнула, потом немного прошлась по полянке: влево, потом вправо. А ещё потом вернулась на прежнее место и опустилась на траву. Зайчата тоже уселись, было, рядом с ней и тут же вновь вскочили от гневного окрика Обезьянки:

— Я вам разрешила сесть?!

— Нет, — недоуменно проговорил Ушастик. — А что, на это требуется разрешение?

— Конечно! — важно заявила Обезьянка. — Ведь я всё же принцесса, дочь Небесного Дракона! Зайчата в который раз уже переглянулись.

— И что? — спросил Ушастик. — Что с того, что ты принцесса?

И он тут же уселся на траву. Толстяк и Карапуз некоторое время колебались, но потом тоже сели чуть поодаль, но не на траву, правда, а на два старых, рядом стоящих пенька.

Обезьянка никак на это не прореагировала. Вернее, некоторое время она сердито смотрела на зайчат, словно ожидая, что они вот-вот опомнятся и вновь вскочат на ноги. Потом, поняв, что этого не

случится, лишь вздохнула печально...

— Ладно, можете сидеть! — милостиво разрешила она зайчатам. — Даю вам на это своё особое соизволение!

— Спасибо, Ваше небесное величество! — со скрытой иронией в голосе отвечивал Ушастик. — От всех нас за великую доброту Вашу!

Видно было, что он ни капельки не поверил словам Обезьянки и, вообще, сомневается в небесном её происхождении.

— Так как же ты всё-таки в нашем лесу очутилась, принцесса? — как ни в чём не бывало, проговорил Толстяк. — Просто на небе не удержалась и грохнулась.

— Заигралась, наверное, на самом краю неба? — добавил Карапуз.

Он помолчал немного, взглянул на небо, потом с неподдельным уважением на Обезьянку.

— Высоко, наверное, падать было! И больно...

— Вот ещё! — фыркнула сердито Обезьянка. — Выдумываете всякую ерунду! Да я просто... меня просто...

Не договорив, она замолчала, настороженно огляделась по сторонам и таинственным шёпотом добавила:

— Меня просто заколдовали, вот!

Услышав такое, зайчата невольно

почувствовали некое беспокойство. Во всяком случае, они тоже принялись настороженно озираться по сторонам.

— К-к-как это, зак-к-колдовали? — поинтересовался Толстяк шёпотом и голосок у него предательски дрогнул.

— Как, как! — сердито отозвалась Обезьянка. — Как обычно заколдовывают, так и заколдовали!

— А как обычно заколдовывают? — встрял в разговор Карапуз, а Ушастик лишь скептически улыбнулся.

Обезьянка, конечно же, не могла не заметить этой его недоверчивой улыбки. Вскочив, она вновь принялась метаться туда-сюда по полянке. И не просто метаться...

Беспорядочно бросаясь из стороны в сторону, она то и дело останавливалась, горестно вскидывала вверх передние лапки и с такой тоской вглядывалась в небо, что нашим зайчатам как-то не по себе стала...

— А знаешь, я ей верю! — шепнул Толстяк Карапузу. — А ты?

Карапуз, ничего на это не отвечая, лишь внимательно следил за беспорядочным метанием Обезьянки.

— Да разве ж я была обезьянкой там, наверху?! — выкрикнула вдруг Обезьянка таким

тоскливым, трагическим даже голосом, что все трое зайчат невольно вздрогнули. — Я была там совершенно другой!

— Другой? — переспросил Ушастик, но уже безо всякой иронии.

— Понимаю: вам тяжело в это поверить! — с горечью прошептала Обезьянка, вновь усаживаясь на траву. — Но я была там настоящей принцессой, самой прекрасной принцессой на свете! Злая волшебница превратила меня в эту безобразную противную мартышку! А потом... потом...

Замолчав на мгновение, Обезьянка горестно всхлипнула и принялась усилено тереть кулачками глаза.

— И никакая ты не безобразная! — попытался утешить Обезьянку Толстяк. — И совсем даже не противная!

— Не перебивай! — выкрикнула гневно Обезьянка. — Что за манера такая: всякий раз перебивать!

— Да, да, не перебивай её! — поспешно проговорил Карапуз и, повернувшись к Обезьянке, добавил: — Так что там, потом?

— Потом, — с трагическим надрывом в голосе вскричала Обезьянка, — эта злая колдунья зловеще захохотала! Вот так, примерно...

И Обезьянка разразилась таким зловещим хохотом, что зайчата вздрогнули повторно.

— И с этим же зловещим хохотом, — продолжала между тем Обезьянка, — она толкнула меня в грудь! Вот так!

Тут Обезьянка, для большей наглядности, подскочила к Толстяку и так пнула его в плечо, что бедный зайчонок кувыркнулся с пня, на котором сидел, вверх лапками.

— А потом колдунья толкнула меня вторично! — вошла в азарт Обезьянка. — Вот так!

Мгновение — и Карапуз шлёпнулся в траву рядом с Толстяком.

— Но я всё ещё не сдавалась и отчаянно старалась удержаться на самом краю нашей небесной державы! — закричала Обезьянка, бросаясь к Ушастику. — И тогда злая волшебница, захохотав ещё более зловеще, подскочила ко мне и...

Тут она замолчала, не договорив, ибо Ушастик её опередил и, не дожидаясь толчка, ловко отскочил в сторону.

— Вот так я и очутилась на земле, — спокойно и вполне буднично закончила своё горестное повествование Обезьянка. — Вернее, в противном вашем лесу!

— Наш лес, он совсем даже не противный! — заступился за родной лес Толстяк. — Наоборот даже...

— Противный! Противный! Противный! —

закричала капризно Обезьянка, усиленно топая ногами. — И лес ваш противный, и сами вы...

Тут она вдруг испуганно умолкла и насторожилась.

— Слышали?! Вы слышали?!

В голосе Обезьянки был такой ужас, что зайчата невольно вздрогнули. В третий раз уже.

— Обезьянка! — послышался вдруг чей-то далёкий и звонкий голос. — Ты где, Обезьянка?!
Ау!

— Это она! — вскочив, вновь засуетилась по полянке Обезьянка. — Это опять она!

— Кто, она? — проговорил Толстяк, испуганно озираясь.

— Злая волшебница! — торопливым шёпотом пояснила Обезьянка, вся трясясь от страха. — Она всё ещё не хочет оставить меня в покое!

Подскочив к Толстяку, Обезьянка схватила его за обе лапы сразу.

— Что мне делать?! Скажи, что же мне делать?!

Толстяк ничего не ответил. Да и что было отвечать, ежели он и сам трясясь, как осиновый лист и зубами чечётку выбивал. Впрочем, Ушастик и Карапуз тоже перепугались изрядно и словно застыли оба в непонятном каком-то оцепенении.

— Обезьянка! — вновь послышался всё тот же голос, но уже значительно ближе. — Ты где?!

— Спрячьте меня! — испуганно зашептала Обезьянка, обращаясь ко всем трём зайчатам одновременно. — Спрячьте хоть где-нибудь!

— Давай сюда, за ёлки! — первым опомнился Ушастик и бросился к густому колючему ельнику, увлекая Обезьянку за собой. — Вот сюда давай! А вам что, особое приглашение надо?

Последние его слова относились, конечно же, к Толстяку и Карапузу. Впрочем, они уже и сами спешили в укрытие.

Это было хорошее укрытие, замечательное даже. Зайчата сами его смастерили ещё прошлым летом и с тех пор довольно часто использовали в своих интересах. Например, когда на полянку ни с того, ни с сего выбежит вдруг злой Волк. Или, к примеру, Лиса, которую наши зайчата боялись даже больше чем Волка, за все её хитрости и коварство.

Вот и сейчас укрытие это пришлось как нельзя кстати, несмотря на то, что для четверых оно было всё же немножечко тесновато. Но, в тесноте, как говорится, не в обиде...

Не успел ещё Карапуз последним втиснуться в укрытие и прикрыть себя сверху свежими еловыми лапками, как зашуршали кусты где-то слева от них. Зашуршали, раздвинулись, и на поляне появилась... девочка...

Подсознательно ожидая увидеть перед собой уродливую старуху в чёрном развевающемся

балахоне (именно так и представляли себе наши друзья злую волшебницу), зайчата с некоторым недоумением даже рассматривали девочку, внезапно появившуюся на поляне.

Это была самая обыкновенная девочка, и, скорее всего, городская, а не деревенская, судя по тому, как неуверенно чувствовала она себя в лесу. На девочке были вытертые джинсики и ярко-оранжевая футболка, на ногах — кроссовки, здорово подмокшие снизу.

— Обезьянка! — закричала девочка, поднеся ладони ко рту. — Принцесочка! Ты где?

Обезьянка ей, естественно, ничего на это не ответила. Зайчата — тем более.

— Нет, не отыскать мне её в этом лесу?! — горестно вздохнула девочка. — Обезьянка! — вновь прокричала она, прикладывая узенькие ладошки ко рту. — Принцесочка!

Некоторое время девочка стояла молча, прислушиваясь, потом она вторично вздохнула и побрела дальше.

— Ушла! — шёпотом объявил Карапуз и хотел, было, покинуть убежище, но Обезьянка крепко ухватила его за лапу.

— Нельзя! — прошипела она зайчонку в самое ухо. — Рановато ещё!

— Так она же ушла? — удивился Карапуз.

— Может, ушла, а может, и не совсем

ушла! — продолжала шипеть Обезьянка. — Может, затаилась где-то поблизости и ждёт! Она хитрая, от неё всего можно ожидать!

— От кого? — тоже шёпотом поинтересовался Толстяк.

— От злой волшебницы, от кого же ещё! — уже куда более спокойным тоном пояснила Обезьянка. — Да вы же её только что сами видели!

Зайчата переглянулись.

— Какая же это волшебница? — выразил общее мнение Ушастик. — Самая обыкновенная девочка!

— Да это она только прикидывается девочкой! — словно позабыв о том, что надо разговаривать шёпотом, во весь голос завопила Обезьянка. — А на самом деле — это весьма могущественная и чрезвычайно злая волшебница, самая опасная из всех волшебниц в мире! Её имя...

— Тише! — встревожено прошипел Карпуз, озираясь по сторонам. — А вдруг она и в самом деле где-нибудь тут затаилась!

— Её имя... — уже чуть тише повторила Обезьянка. — Имя её...

— Не надо имени! — испуганно захныкал Толстяк. — Не произноси!

— Имя её... — не обращая никакого внимания на испуганное хныканье Толстяка, продолжала между тем Обезьянка, — имя её —

Гильбатура-Балбатура-Дикобраза...

— Хватит! — взмолился Толстяк, затыкая уши. — Мне уже страшно!

— И мне! — дрожащим голосом добавил Карапуз.

— Трусихи! — насмешливо хмыкнул Ушастик. — А вот мне ни капельки даже не страшно!

Впрочем, голосок его тоже немного подрагивал, и он тоже испуганно озирался по сторонам.

— Ну, и так далее... — милостиво не стала продолжать Обезьянка. — В общем, очень длинное имя! И очень страшное!

Она замолчала, явно довольная произведённым эффектом, потом, отодвинув чуть в сторону Карапуза, первой выбралась из укрытия.

— Ладно, можете выходить!

Зайчата, сопя и толкаясь, тоже поспешили наружу.

— И всё же я не совсем понимаю... — задумчиво проговорил Толстяк, отряхиваясь. — Ну, превратила она тебя в обезьянку... с неба затем в наш лес сбросила. А что ей ещё от тебя надо?!

— В самом деле! — добавил Карапуз, тоже выбирая из шерстки соринки и сухую иглицу. — Что это она от тебя никак отстать не желает?

— А может... может, она раскаялась, и вновь

хочет тебя в принцессу превратить? — внёс предложение Ушастик.

— Как же, дождёшься от неё! — насмешливо фыркнула Обезьянка. Потом она помолчала немного и добавила: — Наверное, она решила превратить меня в кого-то ещё. Ну, я имею в виду: в кого-то, ещё более противного, нежели обезьянка!

Тут она вновь замолчала, окинула зайчат пренебрежительным взглядом.

— В зайца, к примеру...

— Чем плохо быть зайцем, не понимаю? — даже обиделся Толстяк.

— А чем хорошо? — тут же обернулась к нему Обезьянка. Потом помолчала ещё немного и добавила снисходительно: — Ну, ладно, пусть будет не в зайца! Пусть будет в этого... в червяка, вот!

— В червяка — это действительно плохо! — вздохнул Толстяк. — Глаз нет, ушей нет... лап — и тех нет! На пузе всю жизнь ползай!

— Да подожди ты со своим пузом! — одёрнул приятеля Ушастик и, обращаясь уже к Обезьянке, добавил: — Я вот чего не понимаю! Твой папа Дракон — властелин всего неба, так?

— И всей земли тоже! — важно добавила Обезьянка.

— Тем более! Такой могущественный, а за тебя не заступился! Он что, боится?